

Дуаньму Цин сейчас был всего лишь блуждающей душой, ведь он умер. Совсем недавно, каких-то два часа назад.

Он парил в воздухе, наблюдая за своим окровавленным телом, лежащим на земле, и не было никого, кто бы занялся его похоронами. Это было поистине печально.

Он считал, что заслужил это. Кто заставил его верить клевете, игнорировать предостережения друзей и принимать подделку за драгоценность? Он довел себя до состояния одержимости и умер. Это можно назвать справедливостью небес — никто не избежит возмездия.

Его предали. Предал тот, кого он считал своей самой большой любовью.

Его звали Шэнь Нань, мужчина, которого он любил на протяжении многих лет, а теперь тот предал его. Странно, но Дуаньму Цин не чувствовал ни капли печали, только холодное равнодушие.

Он предположил, что, возможно, все призраки такие — они не испытывают боли.

Его душа могла только кружить вокруг его тела, не в силах уйти дальше. Если он пытался выйти за пределы, перед ним словно возникала стена, и сколько бы он ни бился, он не мог пройти.

Ах да, Дуаньму Цин забыл, что он призрак. У него не было крови, и он не чувствовал боли.

От скуки он начал вспоминать свою прошлую жизнь. В этой жизни он больше всего подвел человека по имени Девятнадцатый.

Его тайного стража Девятнадцатого.

Отношение Дуаньму Цина к Шэнь Наню и Девятнадцатому было как небо и земля. Несомненно, Девятнадцатый был землей.

Но то, что Девятнадцатый сделал для него, Шэнь Нань никогда бы не смог.

Девятнадцатый вынашивал для него ребенка. Судя по сроку, уже около семи месяцев. Дуаньму Цин никогда не проявлял заботы о Девятнадцатом. В первые три месяца беременности тот страдал от токсикоза, его тошнило до изнеможения, он не мог есть, и никто не заботился о нем должным образом. Уже через три месяца он стал худым, как скелет.

Что же делал Дуаньму Цин в то время?

Он вспомнил.

Тогда Шэнь Нань рассердился на него из-за пустяка, и он был занят тем, чтобы угодить ему, приказав, чтобы его ничто не беспокоило.

Поэтому он даже не знал, что Девятнадцатый беременен.

Только через четыре месяца он узнал, что его тайный страж вынашивает его ребенка. Вспоминая ту безумную ночь, Дуаньму Цин почувствовал головную боль.

Он был пьян и принял Девятнадцатого за Шэнь Наня, а затем овладел им.

Казалось бы, это звучит просто — пьяный поступок, ничего серьезного. Если бы Дуаньму Цин

был жив, он бы так и подумал, не придав этому значения. Поэтому, когда он узнал о беременности Девятнадцатого, он решил, что достаточно просто избавиться от ребенка. В конце концов, они оба мужчины, зачем беспокоиться о таких вещах?

К тому же, кто такой Девятнадцатый?

Тайный страж, прошедший суровые тренировки. Если он не может справиться с таким пустяком, значит, его психика слишком слаба.

Он приказал провести обследование Девятнадцатого и узнал, что срок беременности уже слишком большой, и аборт может быть опасен для жизни.

Дуаньму Цин не был бессердечным. Ребенок в утробе Девятнадцатого был его, и если аборт мог привести к смерти, он не стал настаивать. Он решил, что ребенок родится, и он будет его воспитывать, а Девятнадцатый продолжит служить тайным стражем, не нарушая привычного образа жизни.

Возможно, он уделял Девятнадцатому слишком много внимания, или это было что-то другое, но Шэнь Нань стал часто ссориться с ним из-за Девятнадцатого. Со временем количество ссор увеличилось, и Дуаньму Цин стал все больше раздражаться на Девятнадцатого, видя в нем причину их разногласий. Он стал относиться к нему все более холодно, а затем и вовсе запретил ему появляться перед собой.

До самого момента своей смерти, два часа назад, он больше не видел Девятнадцатого.

Вспомнив всю свою жизнь, Дуаньму Цин все больше понимал, насколько он был подлым. Он действительно был недостоин называться человеком.

Поэтому теперь он стал призраком.

Просидев слишком долго, он поднялся, чтобы размять свое прозрачное и бесчувственное тело, и заметил группу людей, мчащихся в его сторону. Его зрение было острым, и он сразу увидел Шэнь Наня впереди, за которым следовали приверженцы Демонического учения.

Дуаньму Цин не питал иллюзий, что Шэнь Нань пришел, чтобы похоронить его. Ведь два часа назад тот ушел, пройдя по его телу.

Теперь он вернулся, и Дуаньму Цин не знал, зачем.

Шэнь Нань и его спутники спешили и подошли к телу Дуаньму Цина. Шэнь Нань пнул его ногой, а Дуаньму Цин холодно наблюдал за этим, не испытывая ни малейшего волнения.

Он сел в стороне и стал слушать их разговоры, постепенно понимая, что произошло с Башней Цинчэн после его смерти.

— Теперь, когда Дуаньму Цин мертв, его тайные стражи убиты, а его брат Шэнь Бэй тоже убит Шэнь Нанем, Башня Цинчэн полностью разрушена.

— Разве не остался один тайный страж в живых?

Дуаньму Цин предположил, что они говорят о Девятнадцатом. Он не знал, что с ним случилось.

— Нужно оставить одного выжившего, иначе как мы узнаем, где находится сокровище.

— Вы знаете, его тайный страж, мужчина, оказался беременным и вынашивает ребенка Дуаньму Цина...

— Может, посмотрим, как выглядит его ребенок?

Это предложение быстро нашло поддержку среди последователей Демонического учения, особенно у Шэнь Наня, чей кровожадный взгляд невозможно было скрыть. Дуаньму Цин понял, что раньше был слеп, считая его добрым и чистым.

Вспомнив о Девятнадцатом, он почувствовал еще большее беспокойство за него.

Девятнадцатого вывели, связанного веревками. Его черная одежда, обычная для тайного стража, была испачкана кровью, а на теле виднелись многочисленные раны, свидетельствующие о недавней схватке.

В сердце Дуаньму Цина, которое уже почти ничего не чувствовало, возникло странное ощущение. Он не мог понять, что это было, но раньше он никогда такого не испытывал.

Даже когда Шэнь Нань был ранен, он не чувствовал ничего подобного.

Это чувство, похоже, было тем, что называют болью сердца.

Девятнадцатого привязали к дереву рядом с телом Дуаньму Цина. Его большой живот теперь был виден отчетливо. Волосы Девятнадцатого были растрепаны, длинные пряди беспорядочно свисали, а на лице читалась сдержанность, пока его окружили и начали трогать живот.

В сердце Дуаньму Цина снова вспыхнуло странное чувство, которое обычно называют гневом.

Он злился, что Девятнадцатый, вынашивающий его ребенка, его человек, подвергается такому обращению. Если бы он был жив, он бы уничтожил этих людей без следа.

Хотя, возможно, и нет, потому что здесь был Шэнь Нань. Из-за него он мог бы пощадить этих людей, а затем, не наказав Девятнадцатого за то, что тот отвлек внимание Шэнь Наня, он бы уже считал себя милосердным.

Люди продолжали кружить вокруг Девятнадцатого, и кто-то достал нож. У Дуаньму Цина возникло плохое предчувствие.

Девятнадцатый с отчаянием закрыл глаза. Все умерли, никто не мог помочь ему, никто не мог защитить его ребенка. Если бы только Дуаньму Цин был жив... Девятнадцатый вспомнил о нем, и его сердце сжалось от горечи.

Но что бы изменилось, если бы Дуаньму Цин был жив? Даже тогда он бы не стал помогать ради Шэнь Наня...

Боль охватила Девятнадцатого, его лицо исказилось, а пальцы сжались в кулаки.

Дуаньму Цин никогда не был беременным и не мог понять страданий Девятнадцатого. Он яростно кричал, пытаясь остановить руку с ножом, он хотел изрубить их на куски, но был всего лишь бесплотным духом. Он мог пройти сквозь них, но не мог прикоснуться.

Он смотрел, как они вскрыли живот Девятнадцатого и извлекли окровавленного младенца. Это был его ребенок, его и Девятнадцатого.

В ушах звучали крики Девятнадцатого, полные боли, ненависти и сдержанности, а также смех последователей Демонического учения, особенно Шэнь Наня, чей смех был особенно пронзителен.

Дуаньму Цин никогда так не ненавидел себя. Он ненавидел, что был мертв, ненавидел, что не послушал Шэнь Бэя, упрямо полюбив Шэнь Наня. Он ненавидел, что не мог защитить Девятнадцатого и ребенка, позволив им подвергнуться такой жестокости.

В его сердце повторялось: если бы только можно было начать все заново, он бы не был таким глупым!

Если бы перед ним было зеркало, он бы увидел, что его глаза стали кроваво-красными, и в них появились признаки потери контроля. Но, увы, он был призраком, мертвецом, который ничего не мог сделать.

Они мучили Девятнадцатого весь день и всю ночь, пытаясь заставить его раскрыть местонахождение сокровища, но Девятнадцатый упорно молчал.

Если бы не слабое дыхание, Дуаньму Цин почти решил бы, что Девятнадцатый тоже мертв.

На следующее утро, с восходом солнца, Девятнадцатый открыл глаза. Чтобы предотвратить смерть от потери крови, его живот был зашит.

<http://bllate.org/book/16706/1534961>